

А.В. Вадковский

**Св. Василий Великий, его
жизнь и проповеднические
труды**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 37-053.2
ББК 74.27я7
А11

A11   **А.В. Вадковский**
Св. Василий Великий, его жизнь и проповеднические труды / А.В. Вадковский – М.: Книга по Требованию, 2023. – 98 с.

ISBN 978-5-518-06163-7

Православный собеседник, 1872, 5, с. 3-37; 10, с. 121-141; 1873, I, с. 390-430.

ISBN 978-5-518-06163-7

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, кляксы, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

смѣшки отъ всякаго желающаго. И сie, полагаю, за-
веденіо у нихъ съ тѣмъ, чтобы сократить высокоуміе
поступающаго вновь, и съ самаго начала взять его
въ свои руки. Шутки однихъ бываютъ дерзки, а дру-
гихъ болѣе остроумны;—сie соображается съ грубо-
стю, или образованностю новоприбывшаго. Такое об-
хожденіе тому, кто не знаетъ, кажется очень стран-
нымъ и немилосердымъ, а тому, кто знаетъ напередъ,
весьма пріятно и снисходительно; потому что пред-
ставляющееся грознымъ дѣлается большею частю для
вида, а не дѣйствительно таково. Потомъ новоприбыв-
шаго въ торжественномъ сопровожденіи чрезъ площадь
отводятъ въ баню. И это бываетъ такъ: ставъ поряд-
комъ попарно и въ извѣстномъ разстояніи другъ отъ
друга, идутъ впереди молодаго человѣка до самой ба-
ни. А подходя къ ней поднимаютъ громкій крикъ, и
начинаютъ плясать, какъ изступленные; крикомъ же
означается, что нельзя имъ идти впередъ, но должны
остановиться; потому что баня не принимаетъ. И въ
тоже время выломивъ двери, и громомъ приведя въ
страхъ вводимаго, дозволяютъ ему наконецъ входъ, и
потомъ даютъ ему свободу, встрѣчая изъ бани, какъ
человѣка съ ними равнаго и включеннаго въ ихъ со-
братство; и это мгновенное освобожденіе отъ огорче-
ний и прекращеніе оныхъ во всемъ обрядѣ посвященія
есть самое пріятное“ (т. IV, стр. 70). Григорій,
прибывшій въ Аѳини ранѣе Василія, уговорилъ сво-
ихъ товарищевъ не дѣлать съ нимъ этой странной це-
ремоніи, такъ что Василій почти одинъ изъ всѣхъ при-
бывшихъ избѣжалъ общаго закона и удостоенъ выс-
шей чести „не какъ новопоступающій“. „И сie, гово-
рить св. Григорій, было начаткомъ нашей дружбы.
Отсюда первая искра нашего союза. Такъ уязвились
мы любовью другъ къ другу“ (стр. 71). Указанный на-
ми обычай и многое другое, что увидѣлъ Василій въ
Аѳинахъ, разочаровали его, такъ что онъ называлъ
Аѳини „обманчивымъ блаженствомъ“. Григорій поста-
рался успокоить его отъ его скорби своими друже-

скими бесѣдами, чѣмъ еще болѣе привязалъ къ себѣ Василія. Наконецъ, когда открылось единство цѣли, единство ихъ желаній и стремлений,—именно христіанское любомудріе, тогда дружба ихъ стада неразрывною. „Мы стали тогда другъ для друга все, говоритъ Григорій, и товарищи, и сотрапезники, и родные“ (стр. 73).

Въ такомъ шумномъ и блестящемъ городѣ, какъ Аѳины,—въ этой резиденціи язычества, гдѣ, по словамъ св. Григорія, „идоловъ было гораздо больше, чѣмъ въ цѣлой Элладѣ“, юные наши друзья не увлеклись ни прелестями разгульной и веселой жизни аѳинской молодежи, ни языческими суевѣріями. Они жили изолированно отъ другихъ,—жили въ мірѣ, какъ совершенные иноки, хотя въ это время не были еще крещены. „Намъ извѣстны были, говоритъ Григорій, двѣ дороги: одна — это первая и превосходнѣйшая, вела къ нашимъ священнымъ храмамъ и къ тамошнимъ учителямъ; другая—это вторая и неравнаго достоинства съ первою, вела къ наставникамъ наукъ выѣшнихъ. Другія же дороги—на праздники, на зрѣлища, народныя стеченія, на пиршества, предоставляли мы желающимъ. Ибо и вниманія достойнымъ не почитаю того, чтѣ не ведеть къ добродѣтели, и не лѣаетъ лучшимъ своего любителя“ (стр. 75 — 76). Такъ проводили юные друзья жизнь въ Аѳинахъ. Уже по такой ихъ юношеской жизни, по которой они пріобрѣли извѣстность не только въ Аѳинахъ, но и въ цѣлой Элладѣ, и особенно у знаменитыхъ мужей (стр. 77), можно было предвидѣть, что изъ этихъ юношей воспитаются мужи строгаго благочестія и крѣпкой силы воли, мужи, способные пожертвовать всѣми выгодами жизни за неприкословенность своихъ убѣжденій.

Закончивши курсъ наукъ въ Аѳинахъ, (гдѣ) Василій превосходно изучилъ риторство, стихотворную науку, философию, діалектику, астрономію и медицину, наши друзья должны были разстаться. Ихъ обоихъ

сильно удерживали въ Аениахъ; но Василій, какъ чловѣкъ болѣе твердаго характера, не остался, несмотря ни на какія просьбы друзей, а Григорій склонился на эти просьбы и остался въ Аениахъ. Итакъ друзья разстались. „И совершилось, говоритъ св. Григорій, дѣло до совершенія своего невѣроятное. Ибо сіе было тоже, что разсѣчь на двое одно тѣло, и умертвить насъ обоихъ, или тоже, что разлучить тельцовъ, которые, будучи вмѣстѣ вскормлены и пріучены къ одному языку, жалобно мычать другъ о другѣ и не терпятъ разлуки“ (стр. 80). Григорій дѣйствительно не могъ вынести разлуки. Онъ побылъ нѣсколько времени въ Аениахъ, и потомъ, несмотря ни на что, оставилъ ихъ. „Любовь сдѣлала меня, говоритъ онъ, Омировымъ конемъ; расторгнувъ узы удерживающихъ, оставляю за собою равнину и несусь къ товарищу“ (стр. 81), къ которому и мы возвратимся, оставивъ Григорія.

Возвратясь чрезъ Константинополь и Ефесъ въ Понть, Василій нѣсколько времени исправлялъ должность адвоката. Въ 359 году, почувствовавъ суетность мірской славы, онъ рѣшился совсѣмъ прервать связь съ міромъ; принялъ крещеніе и степень чтеца, и отправился изучать жизнь иноческую у пустынниковъ въ Сиріи, Месопотаміи, Палестинѣ и Египтѣ; потомъ поселился близъ Неокесаріи въ пустынѣ, орошаемой потокомъ Ирисомъ, не вдали отъ мѣста, гдѣ жили съ другими дѣственницами мать и сестра его. Сюда въ пустыню Василій вызвалъ друга своего Григорія; здѣсь друзья снѣба погрузились въ научные занятія; но теперь они уже изучали не виѣшнюю—языческую мудрость, но христіанское любомудріе,—занимались изученiemъ Писанія, церковныхъ писателей и между ними преимущественно Оригена, изъ лучшихъ сочиненій котораго они сделали извлеченія, известныя подъ именемъ Филокаліи. Въ 363 г. пустынникъ писалъ Юліану, требовавшему у него денегъ съ угрозою опустошить Кесарію: „я содрогаюсь, что ты облечешь въ

порфиру, что глава твоя украшена вѣнцомъ, который безъ благочестія вмѣняется царю не въ честь, а въ безчестіе. Тебѣ извѣстнѣе вчерашняго дня, что я не люблю собирать богатства, и однако ты требуешь отъ меня тысячу литръ золота. Помилуй, государь! я столько стяжалъ его, что если бы сегодня мнѣ захотѣлось въ другой разъ вкусить пищи, то у меня и на это не стало бы денегъ. У меня, какъ и должно быть, нечего дѣлать повару: лучшія изъ яствъ, которыми мы изобилуемъ,—травяныя листья съ черствымъ хлѣбомъ и кислымъ виномъ” (Истор. уч. обѣ отц. Ц. Филар. т. 2. стр. 129). Эта и подобные факты, которые мы приведемъ ниже, факты его столкновенія съ сильными міра сего, показываютъ въ Василіѣ непоколебимую твердость характера, чуждую всякаго ласкальства и угодничества,—качества, необходимыя въ пастырѣ Церкви, который, по своему высокому положенію, долженъ служить Богу, а не людямъ.

Въ 364 году Василій посвященъ въ санъ пресвитера. Изъ похвального слова Григорія богослова Василію великому видно, что въ это время уже успѣлъ вкрасться въ Церковь беспорядочный обычай, по которому возводили иногда на епископскія каѳедры людей, мало извѣданныхъ въ благочестіи,—людей, не занимавшихъ до того времени никакой церковной должности. Не одобряя этого обычая, онъ говоритъ, что „многообъемлющій и великий Василій служить образцомъ для многихъ, какъ всѣмъ прочимъ, такъ соблюдениемъ порядка и въ этомъ”, т. е. онъ восходитъ на церковныя степени постепенно. „Сей Истолкователь свящ. книгъ, говоритъ Григорій, сперва читаетъ ихъ народу (чтецъ), и сюо степень служенія алтарю не считаетъ для себя низкою; потомъ на сѣдалищѣ старецъ (пресвитеръ), потомъ въ санѣ епископовъ хвалить Бога” (стр. 83). Въ санѣ пресвитера Василій проповѣдовывалъ слово Божіе въ Кесаріи; къ этому времени относятъ его знаменитыя 9 словъ на шестидневъ. Любитель мира и согласія, Василій по поводу

непріятностей, воздвигнутыхъ на него Евсевіемъ, епіскопомъ кесарійскимъ, послушавъ совѣта друга своего Григорія (стр. 85), удаляется на время въ пустыню понтійскую; но потомъ вскорѣ (365 г.) вызванъ оттуда снова, чтобы помочь епископу въ борьбѣ противъ аріанъ; кесарійская церковь спасена была теперь отъ аріанъ, потому что Василій былъ ея пастыремъ, хотя и не былъ еще епископомъ. Онъ былъ для своего предстоятеля, по словамъ Григорія, добрымъ совѣтникомъ, правдивымъ представителемъ, истолкователемъ слова Божія, наставникомъ въ дѣлахъ, жезломъ старости, опорою вѣры, самымъ вѣрнымъ въ дѣлахъ внутреннихъ, самымъ дѣятельнымъ въ дѣлахъ виѣшнихъ... Съ этого времени и церковное правленіе перешло къ Василію, хотя по каѳедрѣ занимать онъ второе мѣсто, ибо за оказываемую имъ благорасположенность получилъ въ замѣнѣ власть. И было какое-то чудное согласіе и сочетаніе власти: одинъ управлялъ народомъ, другой управляющимъ (стр. 89—90). Изъ этого периода его пресвитерской дѣятельности считаемъ нужнымъ упомянуть еще объ одномъ фактѣ, весьма важномъ для характеристики Василія, какъ человѣка съ практическимъ направленіемъ и какъ человѣка сильнаго въ словѣ; фактъ этотъ бросить нѣкоторый свѣтъ и на характеръ проповѣднической его дѣятельности, которая отличалась также преимущественно практическимъ направленіемъ.

Въ 368 году былъ въ Кесаріи голодъ (будемъ разсказывать этотъ фактъ словами Григорія богослова),—и самый жестокій изъ памятныхъ дотолѣ. Городъ изнемогалъ; ниоткуда не было ни помощи, ни средствъ къ облечению зла.... Всего несноснѣе въ подобныхъ обстоятельствахъ безчувственность и ненасытность имѣющихъ у себя избытки. Они пользуются временемъ, извлекаютъ прибытокъ изъ скучности, собираютъ жатву съ бѣдствій, не внимаютъ тому, что *милуяй ищуща взаимъ даетъ Господу* (Притч. 19, §7).... Василію надлежало не дождить хлѣба съ неба посред-

ствомъ молитвы , и питать народъ бѣгствующій въ пустынѣ, не насыщать тысячи пятью хлѣбами.... Все сіе было прилично Моисею, Иліи и моему Богу.... Можетъ быть, сіе нужно было только въ тѣ времена и при тогдашнихъ обстоятельствахъ; ибо знаменія не для вѣрующихъ, но для невѣрныхъ. Но что подобно симъ чудесамъ, и ведеть къ тому же , то замыслилъ и привель Василій въ исполненіе съ тоюже вѣрою. Ибо, отверзши хранилища имущихъ словомъ и увѣщаніемъ, совершаєтъ сказанное въ Писанії, *раздробляетъ алчущими пищу*” (Пс. 57, 8) (стр. 91—92), т. е. Василій силою своего слова отворилъ житницы богатыхъ. Къ этому конечно времени относится его знаменитое слово подъ названіемъ: „во время голода и засухи“, — слово полное силы и убѣжденія и притомъ въ высшей степени краснорѣчивое. Въ этомъ случаѣ св. Василій заявилъ себя величайшимъ ораторомъ, слово котораго, исполненное духа и силы, проникаетъ до членовъ и мозговъ и побуждаетъ къ доброй дѣятельности неудобопреклонную къ добру волю человѣческую. Но этимъ однимъ энергичная натура св. Василія не удовольствовалась. Онъ, по словамъ Григорія, собираетъ въ одно мѣсто уязвленныхъ гладомъ, а иныхъ даже едва дышащихъ, мужей и женъ, младенцевъ, старцевъ, весь жалкій возрастъ, испрашиваетъ всякаго рода снѣди, какими только можетъ быть утоленъ голодъ, выставляетъ котлы, полные овощей и солевыхъ припасовъ, какими питаются у насъ бѣдные; потомъ, подражая служению самого Христа, который, препоясавшись лентіемъ, не погнувшись умыть ноги ученикамъ, при содѣйствіи своихъ рабовъ или служителей удовлетворяетъ тѣлеснымъ потребностямъ нуждающихся, удовлетворяетъ и потребностямъ душевнымъ, къ напитанию присоединивъ честь и облегчивъ ихъ участъ тѣмъ и другимъ“ (стр. 92). Въ этомъ уже видѣнъ человѣкъ дѣла, человѣкъ практическаго направленія, который не довольствуется только тѣмъ, чтобы растворить житницы богатыхъ посредствомъ слова, но и принимаетъ на себя роль распорядителя и

вмѣстѣ слуги.—„Таковъ быль новый нашъ хлѣбодаятель и второй Іосифъ“, заключасть свой разсказъ св. Григорій..

Когда епископъ кесарійскій Евсевій скончался, то Василій, правившій церковю еще при жизни его, сталъ его преемникомъ. Это было въ 370 году. Занявши такой высокій постъ, Василій показалъ себя самимъ твердымъ и неутомимымъ защитникомъ православія противъ насилия аrianъ, имѣвшихъ тогда во главѣ державнаго вѣнценосца, императора Валента. Валентъ, предъ которымъ склонились почти всѣ православные епископы, рѣшился наконецъ ввести аrianство и въ кappадокійской области. Зная твердость и непоколебимость Василія, архіепископа кappадокійской области, Валентъ предварительно послалъ для объясненій съ Василіемъ префекта Модеста. Въ высшей степени характеристично это объясненіе Василія съ Модестомъ;—оно весьма рельефно представляетъ намъ личность архіепископа кесарійскаго. Вотъ какимъ образомъ разсказывается объ этомъ эпизодѣ изъ жизни Василія св. Григорій богословъ: „когда Василій явился къ Модесту, тогда этотъ послѣдній прямо встрѣтилъ его слѣдующимъ вопросомъ: „для чего тебѣ съ дерзостю хочется противиться такому могуществу, и одному изъ всѣхъ оставаться упорнымъ?—Доблестный мужъ возразилъ: въ чёмъ и какая моя дерзость?—Въ томъ, говоритъ первый, что не держишься одной вѣры съ царемъ, когда всѣ другіе склонились и уступили.—Не сего требуетъ царь мой, отвѣчаетъ Василій: не могу поклониться твари, будучи самъ Божія тварь и имѣя повелѣніе быть богомъ.—Но что же мы, по твоему мнѣнію? спросилъ правитель. Или ничего не значимъ мы, повелѣвающіе это? Почему неважно для тебя присоединиться къ намъ, и быть съ нами въ общеніи?—Вы правители, отвѣчаетъ Василій, и не отрицаю, что правители знаменитые, однакоже не выше Бога. И для меня важно быть въ общеніи съ вами; впрочемъ не важнѣе, чѣмъ быть въ общеніи со

всякимъ другимъ изъ подчиненныхъ вамъ; потому что христианство опредѣляется не достоинствомъ лицъ, а вѣрою.—Тогда правитель пришелъ въ волненіе, сильнѣе вскипѣль гнѣвомъ, всталъ съ своего мѣста, и началъ говорить съ Василиемъ суровѣе прежняго. Что же, сказалъ онъ, развѣ не боишься ты власти?—Нѣтъ, чтѣ ни будеть, и чего не потерплю.—Даже хотя бы потерпѣль ты и одно изъ многаго, чтѣ состоять въ моей волѣ?—Что же такое? объясни мнѣ это.—Отнятіе имущества, изгнаніе, истязаніе, смерть.—Ежели можешь, угрожай инымъ; а это нимало насъ не трогаетъ.—Какъ же это и почему? спросилъ правитель.—Потому, отвѣчаетъ Василий, что не подлежитъ описанію имуществъ, кто вичего у себя не имѣть, развѣ потребуешь отъ меня и этого волосяного рубища и немногихъ книгъ, въ которыхъ состоять всѣ мои пожитки. Изгнанія не знаю; потому что не связанъ никакимъ мѣстомъ; и то, на которомъ живу теперь, не мое, и всякое куда меня ни кинуть, будетъ мое. Лучше же сказать, вездѣ Божіе мѣсто, гдѣ ни буду я *преселникомъ и пришлецемъ* (Пс. 38, 13). А истязанія чтѣ возмутъ, когда вѣть у меня и тѣла, развѣ разумѣешь первый ударъ, въ которомъ одномъ ты и властенъ? Смерть же для меня благодѣтельна: она скорѣе препошлеть Богу, для котораго живу и тружусь, для котораго большею частю себя самого я уже умеръ, и къ которому давно поспѣшаю” (стр. 104—105). Такъ кончилось это объясненіе, въ которомъ мужество Василия выразилось какъ нельзя болѣе.

Когда донесли Валенту о результатахъ этого объясненія, онъ невольно возъимѣль къ великому человѣку удивленіе. Желая самъ посмотретьъ на эту неустрашимую личность, онъ въ день богоявленія явился въ храмъ со своею свитою, гдѣ Василий совершалъ торжественное богослуженіе. „Когда вошелъ онъ внутрь храма (слова Григорія), и слухъ его какъ громомъ пораженъ былъ начавшимся псалмопѣніемъ; когда увидѣль онъ море народа, а въ алтарѣ и близъ онаго

не столько человѣческое, сколько ангельское благолѣпіе, и впереди всѣхъ въ прямомъ положеніи стоялъ Василій, какимъ въ словѣ Божіемъ описывается Самуилъ (1 Цар. 7, 10), не восклюяющій ни тѣломъ, ни взоромъ, ни мыслию, но пригвожденный къ Богу и престолу, а окружающіе его стояли въ какомъ-то страхѣ и благоговѣніи; когда, говорю, царь увидѣль все сіе, и не находилъ примѣра, къ которому бы могъ примѣнить видимое: тогда пришелъ онъ въ изнеможеніе, какъ человѣкъ, и взоръ и душа его отъ изумленія покрываются мракомъ и приходятъ въ круженіе. Но сіе не было еще примѣтнымъ для многихъ. Когда же царю надобно было принести къ божественной трапезѣ дары, тогда никто къ нимъ не прикасался, не зная, приметъ ли ихъ Василій" (стр. 107).

Между тѣмъ, разсказываетъ Федоритъ, „Богъ низ-
послалъ на домъ Валента различныя несчастія,—по-
тому что и сынъ его заболѣлъ и находился при две-
ряхъ гроба, и жена подверглась различнымъ недугамъ;
тогда онъ понялъ причину сихъ бѣдствій, и того бо-
жественнаго человѣка ⁽¹⁾, которому угрожалъ казнью,
сталъ просить о посѣщеніи своего дома. Исполните-
лями этого царскаго повелѣнія были военачальники.
Пришедши въ царскіе чертоги и видя, что сынъ царя
находится при смерти, Василій великій обѣщалъ воз-
вратить его къ жизни, если онъ сподобится всесвята-
го крещенія отъ православныхъ, и сказавши это уда-
лился. Но царь, подобно безумному Ироду, вспомнивъ
свои клятвы ⁽²⁾, приказалъ крестить дитя находив-
шимся при немъ сообщникамъ аріанъ, и сынъ его
тотчасъ послѣ того скончался. Раскаявшись и сообра-
зивъ, что сохраненіе клятвы въ этомъ случаѣ вредно,
онъ вошелъ въ божественный храмъ, слушалъ поученіе

⁽¹⁾ Т. е. Василія великаго.

⁽²⁾ Валентъ при своемъ крещеніи отъ аріанскаго епископа Евдоксія далъ ему клятву преслѣдоватъ православныхъ и быть всегда вѣрнымъ сыномъ аріанства. (Феодор. Церк. ист. IV, 13).

Василія великаго и принесъ къ алтарю обычные дары. Потомъ Василій, позвалъ его за священную завѣсу (¹), гдѣ стояль самъ; много говорилъ ему о божественныхъ доктринахъ, и царь слушалъ слова его. При этомъ присутствовалъ нѣкто Демосеенъ, царскій стольникъ, и укорильт вселенскаго учителя, будто онъ допустилъ барбанизмъ. Тутъ божественный Василій, улыбнувшись, сказалъ: видно и Демосеенъ неграмотенъ. Когда же тотъ разсердился и началъ угрожать ему; тогда великій Василій сказалъ: твое дѣло заботиться о приправахъ въ похлебкахъ, а не слушать разсужденія о божественныхъ доктринахъ; потому что твои уши заграждены для этого. Таковъ-то быль отвѣтъ ему. Между тѣмъ царь быль такъ восхищенъ этимъ мужемъ, что бѣдныи, которые находились подъ его попеченіемъ, подарильт прекрасныя принадлежавшія ему въ Кесаріи земли. Такимъ то образомъ Василій великій избѣжалъ первого нападенія со стороны Валента. Во второй свой прїездъ въ Кесарію, царь, забывъ прежнее, — потому что льстцы овладѣли его умомъ, — сталъ снова убѣждать Василія перейти къ противникамъ и, не могши убѣдить его, приказалъ написать указъ о его ссылкѣ; но когда хотѣль онъ скрѣпить это опредѣленіе подписомъ своей руки, то не могъ начертать ни одной буквы, потому что трость сломилась. Тоже произошло съ другою и третью; а онъ все-таки хотѣль утвердить нечестивый свой указъ, пока наконецъ не начала трястись и дрожать его рука. Тутъ ужасъ обѣялъ его душу, и онъ обѣими руками разорвалъ бумагу.... Такимъ образомъ Валентъ, возобновивъ нападеніе, еще разъ обманулся въ своей надеждѣ“ (Церк. истор. Феодорита. IV, 19). Послѣ этого Валентъ уже не возобновлялъ свойкъ нападеній на Василія.

(¹) По св. Григорію богослову, это было во вторичное посвященіе Валентомъ кесарійскаго храма. См. Твор. св. Гр. богосл. т. 4, стр. 107.